

19 ноября 1996 г. • «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ»

С. 7

Мужчины носят мужские шляпы

Человек просто вибрирует. Носится туда-сюда, подпрыгивает, вопит в микрофон. Три минуты без движения перед фотообъективом — явное насилие над собой. И тут же — бурное соло на ударнике. Идет монтировка сцены перед концертом Леонтьева в "России".

Девять лет назад никому неведомый Борис Краснов переместился в Москву из города Киева. Сегодня на его счету куча сцен — от "Рождественских встреч" до Майи Плисецкой на Красной площади. Приятно, наверное, считаться самым дорогим художником-сценографом.

35 лет. Голос низкий и шершавый. Глаза рысьи. Наглые и веселые, цвет — чай с лимоном. Ох, говорила мне мама: остерегайся, детка, желтых огоньков в глазах.

Наконец-то пауза. Идем обедать. Нога на ногу. Галстук набок: "Поехали!" — командуешь.

— В каких ситуациях ты отключаешь свой мобильный? (Поясняю: где человека ни встретишь — вечно трубка "в ухо", и понеслось.)

— Никогда. Ты думаешь, я боюсь, что сорвется какой-то заказчик и уйдет выгодное предложение? Если кому-то нужен я — он меня найдет. А раз не нашел — значит, не был нужен. Просто вся жизнь на этом завязана. Процесс идет. И он не должен прерываться ни на секунду.

— Ты даешь деньги в долг?

— Неохотно. Я предпочитаю дать людям возможность заработать.

— Есть человек, про которого ты мог бы сказать, что ты ему многим обязан?

— Считаю, что по-своему это Алла. Но встреча с нею была подготовлена. Все к ней шло. Я к этому времени сделал уже довольно много проектов. Где-то по тусовке познакомился с Болдыным, он видел ряд работ, потом оказался на "Жемчужине России". Там была ломовая декорация. И он убедил Аллу со мной встретиться. Безусловно, это абсолютно другая ста-

бы стать твоей женой?

— Да. Еще в Киеве я три года находился в гражданском браке. Довольно в сложных перипетиях проходила жизнь, на каких-то нервах. Но я тогда был маленький, многого не понимал — там, в принципе, хороший был человек. А потом женился — такой же характер, отношение к жизни, ко мне. Копия! Я понял, что это моя планета, и не надо дергаться даже. Потому что все остальные варианты я просто не воспринимаю.

— Что ж это за планета такая?

— Там не проходят сюси-пусы, это не та категория людей, которая готова ноги мыть и воду пить. Хотя таких меня окружала масса — которые по книжкам должны являться женами художников. Как у Веласкеса — тень, блуждающая в дальней комнате. Потом он умирает, и она через три дня. Нет, это, безусловно, мой человек, мой друг, который за меня может не знаю что. Но жизненное отношение критичное. И это хорошо. Такие женщины заставляют держать себя в форме. Я должен думать, а потом уже говорить. А эти домашние кошечки — это очень расслабляет. Мы же подлые, мы сразу успокаиваемся.

— Наглый вопрос. Ты когда-нибудь посещал публичные дома?

— Я?! А где? У нас же нет публичных домов. Есть? Да ладно! Есть проститутки... То есть прямо с комнатами, да? (Ангел просто. Вот-вот взлетит и крыльями захлопает.) Я даже не знал, честно скажу. В любом случае, с детства я имел мастерскую отдельно от родителей, с ванной и душем, и всегда предпочитал встречаться на базе.

— Ты рано ушел от родителей?

— Поздно. Помню, сидел как-то у Параджанова на веранде, и он сказал, чтоб я заварил чай. А там масса народу была, как всегда. И знаешь, когда тебя начинают вырубать под руку — что ты взял! куда понес! чего наливаешь!.. Он режиссировал моей заваркой чая на глазах у всех. Когда все дрожит, падает крышечка, мимо льешь кипятком — ты все делаешь плохо. И потом он сказал так серьезно: "Уходи из дома! Иначе погибнешь. Про таких, как ты, в тюрьме говорят: ты еще

ЛЮБИМОЙ ОН НОСИЛ КЕФИР

И РЕЗАЛ РОЗЫ В ПАРНИКЕ

дия — попасть в ореол ее славы. Поэтому, думаю, я ей как бы и обязан, но не должен. Я считаю, что отработал эту всю историю.

— А сейчас ты вхож в семью?

— В принципе да, но... Этот роман развивается иногда с бурными страстями, а иногда — период охлаждения. Была ситуация с Филей, когда после питевской "Атлантиды" он не пригласил меня на "Рафаэль". Я этого понять не могу. Я никогда не обижусь на артиста, с которым я не работал. А когда человек пишет тебе: моему гению от гения и тыры-пыры!!! И я считаю, что на "Атлантиде" он стал артистом, он справился с этими декорациями. Он же был так — мальчик Филей. А тут стал мужчиной. И после этого программа не поехала в Москву! Но в Питере хоть сто раз поставь — с одним удачным ударом в "России" это не сравнится. Потом он приглашает другого человека... Причем сделано было откровенно плохо. Сейчас концерт будет, но опять на черном заднике. Он считает, что ему достаточно. Ну не нужен, значит, не нужен. Навязываться не буду.

Он красуется. Он любит яркие галстуки и звезду, под которой родился. Поразительно! — я совершенно невежественна на предмет его персоны. Небрежно: "Ты не следишь за творчеством классика?" — в этот момент я, судя по всему, должна смутиться. Но он великодушен. Он прощает.

— Когда тебя обвиняют, что ты чью-то идею украл, как ты на это реагируешь?

— А меня че-то никто не обвинял пока. Ты слышала такое? А у кого? (Он пока недоумевает.) Нет, ты скажи — что я украл? Я-то могу сказать, кто у меня спер, а я у кого — это интересно просто. (Медленно начинает заводить и переходить на ненормативную лексику.)

— Хорошо, оставим. Я думала, ты знаешь об этом...

— Мало ли что говорят! Говорят, что Киркоров трахал Мадонну, так что? Можно спереть партию компьютеров — у них нет лица. Спереть дэ-ко-рат-цию невозможно! Я хочу понять, у кого я что-то спер! (Я жалобно вякаю что-то про клипы). Я вообще не смотрю телевизор! У меня и телевизора вовсе нет! Я провожу 24 часа в сутки в машине и прихожу домой в 2 часа ночи! У меня и кассет с клипами нет... (Он уже бесится. Ах как красиво бесится!)

— Тебя легко вывести из себя?

— Вот такими вещами — да. (Понимает, что попался, и остывает.) Нет-нет, смотря чем. Когда просто завидуют — одно, а это уже просто смешно. В театре всегда авторские права получали драматург и композитор. Конкретно — есть пьеса, есть музыка. Так вот сейчас их стали получать и художники-сценографы. Я в театре гонимых не беру (так, мимоходом), но в моей работе можно доказать авторство. А режиссеры и балетмейстеры по сей день его не получают. Два притопа, три прихлопа... Нет, я хочу увидеть этого человека, у которого я ворую! (Еще минут десять прослушиваю объяснения, почему такого человека в природе не может быть никогда.)

— Ты выясняешь отношения с теми, кто украл у тебя?

— Нет, я могу просто сказать. И потом есть докторина: ты повторился — это не плюс тебе. Бывают ужасные совпадения. Допустим, у Укупника и Крутого похожи две песни — "Свадебные цветы" и "Милая-милая". В принципе одна мелодия. Да, кто-то раньше, кто-то позже. Но не думаю, что тот, кто позже, хотел это сделать специально.

— Кто выбирает тебе одежду?

— Сам. А что? (Пауза для комплиментов.) Нет, я пытался заниматься одеждой в эпатажном плане, но потом понял, что я не Киркоров — ну, не артист, в смысле. Филе идет вся эта байда. Он высокий. Красивый... (Я должна прочувствовать, что высокий Киркоров просто курит.) У меня редкие минуты бывают. Например, сейчас подбираю мебель в новую квартиру. И мне некогда абсолютно, я понимаю, что из-за меня завалится ремонт.

— Обустраиваешь квартиру ты тоже занимаешься сам?

— Да. Жена потом будет все доводить. Во-первых, потому что ее сейчас нет в стране, а во-вторых, потому что все решаю я.

— Расскажи-ка мне лучше о своей жене...

— Она работала много лет у Зайцева. Была по тусовке известной манекенщицей. Я тебе скажу объективно, а не потому, что жена, — я до сих пор не вижу, кто бы так работал на подиуме. У Зайцева и сейчас в офисе ее фотографии висят. Он считает, что она была у него самая... Теперь она перестала работать вообще. Ей это не нужно.

— До того как ты женился, у тебя было какое-то представление о женщине, которая могла

Фото Александра Астафьева.

пончиками какаешь". Не могу сказать, что это в корне повлияло, но я задумался. И через год уехал.

— В твоей жизни был миллион алых роз? Чтоб ты бросил к ногам женщины все?

— Было, было, не волнуйся. (А я уже сижу и прямо вся волнуюсь.) И цветочные рынки скупал, потом долг отдавал полгода. В Паланге катали детей в парке, я договорился с кучером, взял карету, лошадей. В каком-то баре выключил ведро для шампанского. В парниках срезали розы. И на взлетную полосу — встречать. Это была фишка! И реакция двух чужаков, которые были рядом с объектом. Когда она вышла, они на трапе пытались договориться по поводу дальнейшего отдыха. Она-то знала наверняка — что-то будет, очередное. А эти так и встали. Конкуренция была убрана. Да многое было — кефир разносил. Позвонила и сказала: кефиру хочется. Я взял у рабочего одежду и ящик кефира. Приехал и зашел...

— Экзотические развлечения? сафари? охота на быков?

— Да я три года на пляже не был. У меня каждый день такое сафари, и оно же — охота на быков... Когда-то в нарды любил. Иногда казино, блэк-джек. Выпить люблю — водку. В моей работе даже уик-энд-нету, наоборот, это самые вменяемые дни. Тусовка затягивающая штука, все тусуются, меняют точки, — только они спят до двух, а мне в 8 вставать.

— Что ты делаешь, когда понимаешь, что провалился?

— Иду спать. С горем надо переспать. Утром легче. Просыпаюсь — и все уже не так. Жизнь налаживается.

Вечер. Концерт благополучно завершен. Публика радуется и машет букетиками у сцены. А мне за кулисами объясняют, что, оказывается, это был ПРОВАЛ. Мат-перемат. Глаза кровью налились. Какой-то стробоскоп не встретился с другим стробоскопом, света на сцене было мало, и вообще, фонарики мигали, как в дискотеке. Все надо переделывать. Потом Краснов пьет водку. Сначала с балетом "Тодес", потом без балета "Тодес". Колотит по столу ладонью: "Драйва не было! Понимаешь ты или нет! Не было драйва!"

Ну не было, не было драйва. Я разве спорю. Завтра все будет по-другому.

Катя ПРЯНИК.